

JEL classification: N55, O13, Q50

УДК 332.05

DOI 10.17150/2308-2488.2020.21(2).202-227

А.М. Курьшов

*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

И.В. Курьшова

*Иркутский национальный исследовательский
технический университет
г. Иркутск, Российская Федерация*

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИРОДООХРАННЫХ ТРАДИЦИЙ БУРЯТ И ЭВЕНКОВ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА

Аннотация. Экологические традиции являются важнейшими элементами системы традиционного хозяйства, а их комплекс — одним из признаков, отличающим традиционную экономику от экономики инновационной и характеризующим внутрисистемные связи традиционного хозяйства. Следовательно, трансформация экологических традиций, сводящаяся, главным образом, к формированию модели природопользования, направленной на извлечение максимальной выгоды (в конечном итоге — к отказу от принципа подчинения индивидуальных интересов общественному благу), становится одним из деструктивных процессов, разрушающих систему традиционного хозяйства. Напротив, сохранение комплекса экологических традиций, помимо очевидных плюсов, связанных со сбережением окружающей среды, способствует устойчивости системы традиционной экономики. Справедливость этих положений подтверждается в ходе исследования традиционного хозяйства коренного населения Байкальского региона — бурят и эвенков. При этом важно понимать, что понятие «система традиционной экономики», хотя и является лишь моделью, позволяющей исследовать

реальность, но моделью «живой», изменяющейся, отражающей эволюцию как самих общественных отношений, так и наших представлений о них.

Ключевые слова. Традиционное хозяйство, рациональное природопользование, охрана природы, системный подход, Байкальский регион, буряты, эвенки (тунгусы).

Информация о статье. Дата поступления 17 апреля 2020 г.; дата принятия к печати 25 мая 2020 г.; дата онлайн-размещения 23 июня 2020 г.

A.M. Kuryshov

*Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

I.V. Kuryshova

*Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russian Federation*

EVOLUTION OF THE ENVIRONMENTAL TRADITIONS OF BURYAT AND EVENKS OF BAIKAL SIBERIA AS PART OF THE TRANSFORMATION OF THE TRADITIONAL ECONOMY

Abstract. Environmental traditions are essential elements of the traditional economy system and their complexity is one of the characteristics that distinguishes the traditional economy from the innovative economy and characterizes the system linkages of the traditional economy. Consequently, the transformation of environmental traditions into an environmental management model aimed at maximizing benefits (ultimately, abandoning the principle of promoting individual interests for the public good) is becoming one of the destructive processes that destroys the system of the traditional economy. On the contrary, the preservation of a complex set of environmental traditions, in addition to the obvious benefits associated with environmental conservation, contributed to the sustainability of the traditional economic system. The validity of those provisions was confirmed by a study of the traditional indigenous economy of the Baikal region,

the Buryat and the Evenks. At the same time, it is important to understand that the concept «system of traditional economy» is not only a model that allows to explore reality, but it is a real model the one that reflects the evolution of both the public and our ideas about them.

Keywords. Traditional economy, environmental management, nature conservation, systems approach, Baikal region, buryats, evenks (tungus).

Article info. Received April 17, 2020; accepted May 25, 2020; available online June 23, 2020.

Исследование вопросов, связанных с изучением исторического опыта рационального природопользования, является одной из самых актуальных задач современной науки. Экологическая проблема (истощение природных ресурсов, сокращение биологического разнообразия, загрязнение окружающей среды), прямо обусловленная направлениями экономического развития человеческого общества, во второй половине XX в. превратилась в глобальную проблему, и связано это отнюдь не только с возросшей экономической активностью человека (рост потребления, развитие технологий), но и с особенностями господствующего способа производства — капиталистического, предполагающего исключительно извлечение прибыли здесь и сейчас ради личной выгоды отдельных предпринимателей, конкретных корпораций, ведущих государств. Экологическая проблема, в свою очередь, тесно связана с другими глобальными проблемами: она прямо влияет на распространение бедности, а через это — на обострение социальных конфликтов, распространение радикальных идеологий, массовые и интенсивные миграции населения; она препятствует экономическому росту, нарушает механизмы хозяйственного взаимодействия стран и народов. То есть экологическая проблема — это одна из граней социально-экономической сферы жизнедеятельности людей. Взаимосвязь глобальной экологической проблемы и нега-

тивных социальных трансформаций современности очевидна, и в этом контексте разрешение экологической проблемы предстает необходимым условием так называемого «устойчивого развития», концепция которого лежит в основе современных программ Организации Объединенных Наций¹.

Однако практика показывает, что международные программы в области охраны природы, призванные нивелировать экологическую проблему, малоэффективны в условиях современной мировой экономической системы, идеологически основанной на капиталистической этике и низкой экологической грамотности большинства населения, давно отошедшего от необходимости коррелировать свое хозяйственное поведение с интересами будущих поколений. Поэтому развитие ресурсосберегающих технологий, внедрение государственными и международными структурами механизмов рационального природопользования и прочие подобные меры обязательно должны предусматривать «объективно необходимую основу для экологического образования и культуры» [1, с. 45]. Однако формирование такой основы невозможно без обращения к опыту тех народов, которые еще сохраняют или сохраняли до недавнего времени основу традиционного хозяйства, одной из составных частей которого является комплекс природоохранных традиций. Причем этот опыт может быть как позитивным (если экологические традиции, составляющие неотъемлемую часть традиционной экономики, продолжают существовать), так и негативным (если они исчезли или деградируют под воздействием капиталистической экономики), но в любом случае — полезным, ибо его практическое применение будет способствовать формированию способов рационального, устойчивого природопользования на, если можно так выразиться, низшем (но одновремен-

¹ Цели в области устойчивого развития // ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/>.

но — и основном) уровне отношений «человек-природа» — уровне каждого отдельного индивида. При этом «устойчивость» не должна рассматриваться как проявление «отсталости» («дискурс устойчивости не вытесняет дискурс развития, но переплетается с ним» [2, с. 286]), а «традиция» не должна противопоставляться современности, поскольку устойчивое развитие — это еще и непрерывное развитие, когда каждый новый этап основывается на достигнутом ранее.

Одним из уникальных природных объектов, находящихся на территории России, является озеро Байкал. Коренные жители его берегов — буряты и эвенки — имеют давние традиции рационального природопользования. Этот опыт они накопили, столетиями приспособившись к местной богатой, щедрой, но и суровой природе. Исследователи отмечают, что модель природопользования, используемая коренным населением Байкальского региона, оптимально подходила для местного ландшафта, была «экологически корректной» [3, с. 140]. Однако с конца XIX в. эта модель подвергается трансформации, которая затрагивает и экологические традиции. Исследование причин, содержания, последствий этой трансформации — основная задача авторов настоящей статьи.

Методологической основой исследования является системный подход. Авторами традиционное хозяйство рассматривается как система — целостность элементов, характеризующих докапиталистическую, этнически окрашенную и приспособленную к природным ландшафтам — «традиционную» — экономику. Элементы такой системы — хозяйственные традиции, системообразующий фактор, обуславливающий связи между элементами — зависимость способа природопользования от окружающей среды. При анализе традиционного хозяйства как системы, в первую очередь — при выявлении его внутрисистемных связей, мы отталкиваемся от двух постулатов.

Первый постулат: традиционное хозяйство не должно рассматриваться вне контекста общества, частью которого оно является. Экономическая деятельность человека не может определяться исключительно «выбором в условиях ограниченности ресурсов», как утверждает классическая экономическая теория, и в отрыве от иных форм общественных отношений. Авторам ближе позиция К. Поланьи, который, различая формальное и содержательное значения термина «экономический», указывал на невозможность реализации на практике первого. Факт зависимости человека от природы и общества неопровержим, он — основа содержательного значения, которое для человека «характеризует его взаимоотношения с природным и социальным окружением, которые обеспечивают ему средства удовлетворения материальных потребностей» [4, с. 62]. Несмотря на очевидные успехи человеческих технологий, особенно в последние два столетия, нужно признать, что человек, являясь биологическим организмом, остается напрямую зависимым от природы (климата, наличия водных, почвенных, биологических ресурсов, залежей полезных ископаемых, рельефа местности и т.п.). Иллюзия подчинения природы человеку пропадает сразу после очередных средних масштабов цунами, или извержения небольшого вулкана, или распространения смертоносного вируса; экономика «царя природы» напрямую привязана к ресурсным базам. В доиндустриальную эпоху зависимость экономики от природных условий была еще очевиднее. Человек всегда приспосабливался к окружающим его условиям, и даже тогда, когда ему казалось, что он приспосабливает природу под себя, на самом деле он лишь выращивал себе искусственные «клыки», «когти» и «шерсть», но принципы работы всех этих вещей оставались теми, которые продиктовала матушка-природа. Достаточно ограниченная возможность выбора появилась у человека в условиях «рыночной эконо-

мики», свободной от общественной опеки. Но, во-первых, эта «свобода» экономики от социума не отменяла зависимость экономики от природы. Во-вторых, эта «свобода» экономики от общества была достаточно условной, поскольку человек — существо все же и социальное, он не может существовать вне общества, даже если будет экономически самодостаточен. В-третьих, «рыночная экономика» просуществовала очень недолго и никогда не распространялась на весь земной шар. Таким образом, традиционное хозяйство не должно отождествляться с «отсталой» формой экономики, его понимание как системы лежит вне пределов дихотомии «развитая экономика — неразвитая экономика», оно характеризуется не формами собственности на средства производства (точнее — не только ими) или уровнем развития технологий, а нормами природопользования — институциями — и способами закрепления этих норм — институтами, через которые экономическая деятельность неразрывно связана с иными формами существования общества. Экономические отношения, по терминологии К. Поланьи, «встроены» в систему общественных отношений.

Второй постулат: традиционное хозяйство как система не должно рассматриваться все контекста конкретной эпохи, в которой оно существует. Являясь лишь одной из граней общественной жизни, традиционное хозяйство испытывает на себе влияние всех внешних факторов, влияющих на общество в целом. Исходя из этого, не существовало в реальности «традиционного хозяйства», а было «традиционное хозяйство такой-то общности на таком-то временном этапе». Но если исходить только из этого, сложно утверждать наличие какой-либо связи прошлого и настоящего. Поэтому авторы и говорят о «системе традиционного хозяйства». Это всего лишь модель, представляющаяся удобной для проведения исторического анализа. Она, естественно, не отражает всей реальности. Мало того,

при конструировании этой модели, мы опираемся не на собственно-исторические, а на научно-исторические факты, т.е. наши представления о том, что произошло в реальности. Все это приводит к формулированию достаточно условных выводов, но выводов необходимых. Поэтому, анализируя систему традиционного хозяйства важно держаться «золотой середины», соблюдая баланс между неизбежным при конструировании «системы» упрощением наблюдаемых в прошлом экономических отношений и опасностью не разглядеть за конкретными фактами некоей закономерности, баланс между «методом» и «предметом», дабы не допустить «развода» экономики и истории [5, с. 8].

Итак, мы говорим о системе традиционного хозяйства, имея в виду ее неразрывную связь с обществом, частью которого она является, и эпохой, в которой это общество существует. Необходимо выделить признаки традиционного хозяйства, характеризующие его как систему и определяющие его структуру, т.е. связи между хозяйственными традициями (элементами системы). К ним относятся:

1. Прямая зависимость хозяйственных традиций (способов хозяйственной деятельности, т.е., в конечном счете, способов природопользования) от условий окружающей среды (ландшафт, климат, природные ресурсы); безусловно, любая экономическая деятельность связана с ограничениями природной среды, но в системе традиционного хозяйства это обусловлено не «экономическими приоритетами» (т.е. выгодой для конкретных людей), а выгодами общественными (воспроизводство населения, сохранение социальной стабильности, удовлетворение базовых потребностей всех (а не немногих, не некоторых и не потребление само по себе).

2. Натуральное хозяйство, при котором обмен не является главной формой перераспределения материальных благ; производимый (или присваиваемый)

продукт становится таковым не через обмен, он производится (или присваивается) непосредственно потребителем; на характер хозяйства в данном случае влияет как прямая и определяющая зависимость хозяйственных форм от окружающих природных условий, так и целеполагание хозяйственной деятельности — не потребление само по себе, не обогащение отдельных людей, а воспроизводство общественных сил.

3. Связанный напрямую с двумя предыдущими признаком — приоритет общественных интересов над интересами индивидуальными; он обеспечивается контролем общества над приемами хозяйственной деятельности, использованием средств производства и процессом перераспределения продуктов производства, подкрепляется различными элементами «надстройки» (по марксистской терминологии) — обычаями общежития, идеологическими установками, поощряемыми или, напротив, осуждаемыми обществом стереотипами поведения — и объясняется вышеупомянутой «встроенностью» экономики в общественную систему.

4. Комплекс традиций рационального природопользования, или, если угодно, экологических традиций; их, на наш взгляд, нельзя смешивать с упомянутыми выше «надстроечными» элементами, хотя они, зачастую, освещены религией и входят в состав комплекса обычного права, поскольку их происхождение непосредственно связано с хозяйственной деятельностью, они имеют в основе экономический расчет, поскольку нерациональное отношение к природе сделает невозможным осуществление хозяйственной деятельности на прежних условиях. О трансформации именно этого признака традиционного хозяйства далее и пойдет речь.

Перечисленные признаки делают традиционное хозяйство очень устойчивой системой, ведь она существует не отдельно от природы, а в ней. Однако эта

«устойчивость» не является в данном случае синонимом «отсталости», «косности», «неспособности к развитию», напротив, именно она позволяла успешно существовать и развиваться человеческим общностям в условиях изменений окружающей природной среды, происходящих постоянно (имеются в виду не только случаи изменения изначально данной среды обитания (трансформация климата, наводнения, эрозия почв, эпидемии и эпизоотии), но и случаи, когда человеческая общность оказывалась в новых природных ландшафтах (в результате массовых миграций)). Именно поэтому в модной ныне парадигме «устойчивого развития» есть место и для традиционного хозяйства.

В общностях, практикующих традиционное хозяйство, человек всегда рассматривается как часть природы. Характерно это было и для коренного населения Байкальского региона — бурят и эвенков. Природа обожествлялась, поэтому общение с ней регламентировалось нормами, имеющими сакральный смысл и освященными шаманами. Поскольку хозяйственная деятельность человека не могла не затрагивать окружающую среду, не могла не вредить природе, и у бурят, и у эвенков существовали обряды покаяния в грехах перед духами камня, дерева и земли, обыденная же жизнь была насыщена разного рода табу, отражающими «экоэтические принципы поведения» [6, с. 186].

У бурят существовало множество запретов и ограничений, связанных с пользованием лесами. Распространенным явлением были «священные рощи» и «священные леса», считавшиеся неприкосновенными. «Священный» статус приобретали те лесные участки, где обнаруживались метеориты («священные камни»), где были похоронены шаманы, сакральное значение имели одиноко стоящие деревья, деревья на окраине лесов, на возвышенных местах, в верховьях рек и ручьев. В таких локациях любая хозяйственная деятель-

ность запрещалась. Лишь на первый взгляд трепетное отношение бурят к лесу можно объяснить исключительно религиозными мотивами, так как буряты — степные по преимуществу жители, и леса для них — нетипичная среда обитания. На самом деле ландшафты южного Приангарья и Забайкалья отличаются от «классических» центральноазиатских степей, здесь нет сколь-нибудь протяженных исключительно степных участков, степь, занимающая долины рек, перемежается с лесом, как правило, покрывающим возвышенности по обеим сторонам относительно нешироких речных долин. Поэтому хозяйство народов, проживающих в этих условиях (а в случае с бурятским этносом, и сформировавшимся в этих ландшафтах), всегда было комплексным и опиралось, в том числе, и на лесные ресурсы. Лес обеспечивал бурят дичью и материалом для постройки юрт (буряты-кочевники (в Забайкалье) использовали деревянные детали для изготовления войлочных юрт, прибайкальские буряты, ведущие полукочевой образ жизни, юрты делали полностью деревянными), из дерева делали орудия труда, лес снабжал бурят дровами. Пиетет бурят по отношению к лесным рощам был обусловлен также тем, что леса в условиях степи и лесостепи обеспечивали сохранение подземных вод, препятствовали эрозии почвы, служили укрытием.

Для эвенков леса были домом, поскольку, в отличие от бурят, живших в степных и лесостепных ландшафтах, эвенки обитали в тайге. Поэтому они относились к лесам с благоговением, как к дому. Так, например, независимо от обстоятельств стойбище должно было быть чистым (все отходы жизнедеятельности необходимо было закапывать). В костер нельзя было бросать шерсть, кости животных, все, что могло издавать при горении неприятный запах. Как и у бурят, у эвенков были свои священные деревья, чаще всего — лиственница. К ней весной нельзя было даже

подходить. Существовали определенные сроки сбора березового сока, дикоросов и коры. Кору с деревьев, которую эвенки использовали для изготовления своих временных жилищ, разрешалось снимать только во время появления листвы (тогда эта операция наносила дереву наименьший ущерб). Умерших эвенки не хоронили в земле, чтобы не испортить подземных вод, а подвешивали между деревьев в гробу, выдолбленном из ствола сухого дерева. При перекочевке тщательно тушили костры, дабы не вызвать лесной пожар.

Очень многие табу касались охоты. Все территориальные группы бурят занимались в той или иной степени охотой. Это зависело от конкретных окружающих условий (ольхонские буряты охотились даже на нерпу, что уникально для скотоводов (по преимуществу)), но везде существовали ограничения охотничьего промысла. Охота совершалась для удовлетворения собственных потребностей. Надлежало соблюдать чистоту и тишину в тайге, не валить деревья возле стоянки, не хвастаться о добыче. Были обязательны обряды угощения «хозяина тайги» (жертвоприношения). Избирались такие сроки, приемы и способы охоты, которые бы способствовали сохранению популяции промысловых животных, а нарушение правил осуждалось и пресекалось обществом.

Для эвенков охота была основным способом природопользования. Охотничьи угодья делились между родами, а внутри рода — между семьями. Каждая семья не только должна, но и вынуждена была оберегать свои земли, следить на своем участке за воспроизводством животных, чтобы обеспечить устойчивость своего хозяйства. Эта нужда способствовала формированию этического комплекса эвенкийского охотника, запрещающего убивать животных без надобности, добывать маток, детенышей и птенцов, нарушать сроки охоты, которые устанавливались исходя из особенностей образа жизни животных. Отдельные территори-

альные группы эвенков занимались преимущественно рыболовством, и здесь также существовали запреты, позволявшие сохранять и развивать промысловую базу (сохранение рыболовных мест в чистоте, запрет на лов нерестящейся рыбы и т.п.). Существовали запреты на добычу в определенные моменты времени определенных видов животных.

Как уже отмечалось, у бурят скотоводство было либо основным, либо одним из основных способов природопользования, — в Забайкалье восточные буряты занимались главным образом скотоводством, в Прибайкалье у западных бурят скотоводство было распространено наряду с земледелием. Поэтому немало экологических традиций было связано с практикой содержания скота. При выборе пастбищ и выгонов буряты обязательно учитывали качество почв, рельеф местности, наличие доступа к водоемам. По мере оскудения травяного покрова и истощения почв пастбища менялись (что и обуславливало кочевой образ жизни). В Забайкалье первоначально перекочевки совершались на расстояние более 1 000 верст [3, с. 142], в Прибайкалье, где природные условия были несколько иными, буряты в течение года кочевали на относительно небольшие расстояния (10–15 км) с летних пастбищ на зимние и обратно [7, с. 96], поэтому для разных видов скота (лошади, овцы, коровы) использовались разные пастбищные периоды и зачастую разные пастбища, это позволяло долго сохранять хозяйственную ценность пастбищ (для этих же целей, например, многопольная система и травосеяние используются в земледелии).

Экологические традиции бурят и эвенков тесно были связаны с иными составными частями системы традиционного хозяйства и не могут рассматриваться вне их контекста.

Связь экологических традиций с первым признаком системы традиционного хозяйства — обусловленно-

стью хозяйственных традиций окружающими природными условиями — обнаруживается в утилитарности ограничительного характера экологических традиций (когда нельзя брать у природы больше, чем нужно для удовлетворения первичных потребностей). Например, эвенки не жили на одном месте, постоянно кочевали по тайге, соответственно, у них не было необходимости убивать животных «про запас». Бережное отношение к оленю у эвенков связано было с тем, что он выполнял для них важнейшую в условиях тайги транспортную функцию, без оленя даже в начале XX в. невозможны были перекочевки и охотничий промысел [8, с. 359].

Связь экологических традиций со вторым признаком системы традиционного хозяйства — натуральным характером хозяйства — прослеживается в целях введения экологических традиций. Каждая из семейных либо родовых групп и эвенков, и бурят кочевала на относительно четко очерченных пространствах, время от времени возвращаясь в исходную точку, поэтому сохранение ресурсов по «маршруту следования» было необходимо. Цель введения экологических традиций — отнюдь не стремление наслаждаться красотами природы или некая сверхъестественная связь с ней (разговоры шаманов о подобной связи должны были мотивировать на соблюдение экологических традиций), это — рациональное природопользование в интересах самих себя и будущих поколений, призванное обеспечить устойчивость общества и само физическое сохранение народа.

Связь экологических традиций с третьим признаком традиционного хозяйства — приоритетом общественных экономических интересов над индивидуальными — проявляется в общественном контроле за реализацией традиций рационального природопользования. Нарушение табу в этой сфере не случайно приводило к общественной обструкции, ведь они были призваны обуздать стремление отдельного че-

ловека к тому, чтобы получить личную выгоду за счет остальных членов общества. Освещенность экологических традиций сакральным смыслом также придавало им общественную значимость, усиливало их значение в глазах каждого из членов коллектива.

Любая система изменяется, не только развиваясь согласно внутренним законам, но и под воздействием различных внешних факторов. Важнейшим из них является окружающая среда. Она может измениться (не сама по себе, конечно, а, скажем, вследствие миграции носителей хозяйственных традиций в новый ландшафт), что, естественно, отразится на всей системе. Так, экологические традиции бурят и эвенков (как составная часть системы традиционной экономики), которые мы описывали выше, фиксируются исследователями для XIX – начала XX вв., но они наверняка отличались от более ранних традиций тех же народов, поскольку эти народы (или их отдельные территориальные группы, или их предки) обитали в других местах и использовали иные приемы природопользования. Говоря о трансформации традиционной экономики сибирских народов (и трансформации экологических традиций как одного из проявлений этого процесса), чаще всего имеют в виду изменения, связанные с развитием сначала капиталистических отношений в Сибири (конец XIX – начало XX вв.), затем – формированием социалистической экономической модели (на протяжении большей части XX столетия) и, наконец, переходом к рыночной экономике (в конце XX – начале XXI вв.), однако это совсем не означает, что до конца XIX в. система не изменялась. Просто с конца XIX в. перманентный процесс эволюции традиционной экономики приобрел черты форсированной модернизации и стал фиксироваться исследователями. Такой форсированный характер модернизации со временем стал угрожать самому существованию системы традиционного хозяйства.

Толчком к началу масштабной трансформации традиционной экономики Байкальской Сибири стало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали в конце XIX — начале XX вв. Под влиянием резко увеличившихся темпов экономического освоения региона и роста приезжего населения форсируется процесс вовлечения эвенков-охотников и бурят-скотоводов в товарно-денежные отношения и изменения содержания и форм природопользования.

Первый признак традиционного хозяйства — обусловленность хозяйственных традиций окружающими природными условиями — подвергается воздействию через сокращение землепользования бурят (значительные земельные угодья были переданы переселенцам), что заставляет их интенсивнее заниматься земледелием и отказываться от кочевков, и переходу большей части эвенков от промысловой охоты на копытных животных к товарной охоте на пушного зверя, что, помимо прочего, повышает роль транспортного оленеводства в связи с расширением зоны кочевания.

Второй признак традиционного хозяйства — его натуральный характер — закономерно испытывал давление под воздействием изменения способов природопользования. У бурят, сменивших кочевое скотоводство на земледелие и стойловое содержание скота, натуральный характер хозяйства в значительной части сохранился. Земледелие в Байкальском регионе (как и вообще в России) могло быть товарным в условиях либо развития крупного землевладения, либо разрушения общины, но реформа землеустройства сибирских крестьян, начавшаяся на рубеже XIX–XX вв. и распространенная на бурят, привела к уравниванию наделов, закрепила общинное землепользование и возможность земельного передела. Отдельные бурятские хозяйства в лучшем случае были мелкотоварными. У эвенков же переход к товарной охоте ударил по натуральному хозяйству гораздо чувствительнее. Часть

эвенков перешла от потребительского промысла к животноводству и даже земледелию, но это было скорее исключением, чем правилом. Большая часть эвенков осталась охотниками, и эволюция их хозяйства заключалась в переходе к товарной охоте на пушного зверя. Эвенков привлекала возможность получения средств к существованию помимо традиционной потребительской охоты. В результате они попали в зависимость от русских купцов, которые скупали у эвенков меха и поставляли им боеприпасы для стрелкового оружия и продовольствие.

Третий признак традиционной экономики — подчиненность личных экономических интересов потребностям коллектива — продолжал оставаться актуальным, поскольку Российское государство косвенно способствовало сохранению традиционных внутрисистемных связей в бурятском хозяйстве путем консервации общинного землепользования. В случае с эвенками государство сыграло прямо противоположную роль, оно косвенно способствовало разрушению традиционного хозяйства, начав взыскивать ясак деньгами и закрывая глаза на закабаление купцами эвенкийских охотников. Родовые связи эвенков, и до этого не отличавшиеся крепостью, начинают стремительно распадаться, а частная хозяйственная деятельность перестает ограничиваться коллективом.

Традиции рационального природопользования — четвертый признак системы традиционного хозяйства — неизбежно трансформируются вслед за первыми тремя признаками. У ограниченных в землепользовании бурят нарушался экологически ориентированный цикл перекочевков, они стали расчищать площади, занятые лесами, под пашни, а имеющиеся в наличии пашни эксплуатировать до полного истощения [9, с. 16]. Правда, этот процесс носил достаточно ограниченный характер в силу того, что землеустроительная реформа так и не была законче-

на к 1917 г. У эвенков охота приобрела хищнический характер, что естественным образом отразилось на количестве промысловых животных, прежде всего — пушного зверя.

В советский период традиционное хозяйство коренного населения Байкальского региона продолжает интегрироваться в национальную экономику, но иными способами. Вряд ли можно говорить о том, что кризисные явления в традиционном кочевом и полукочевом хозяйстве бурят или эвенков были связаны исключительно с политикой советского правительства. Кризисная трансформация традиционной экономики сибирских народов вообще лишь продолжалась, а началась она гораздо раньше [10, р. 49, 51]. В 1920 г. советское правительство старалось действовать с учетом потребностей коренных народов, занималось исследованием их хозяйственной деятельности в контексте природных условий. С 1930-х гг. традиционная экономика сибирских аборигенов, в том числе бурят и эвенков, была поставлена на службу общегосударственной социалистической экономической системе. Бурятские хозяйства объединялись в колхозы, у эвенков создавались промысловые артели и оленеводческие совхозы. Широкое промышленное освоение региона (строительство гидроэлектростанций, железных дорог и т.п.) не могло не затронуть природные ландшафты. Все эти процессы сопровождалась дальнейшей трансформацией способов природопользования, начавшейся в конце XIX в.: буряты становились все большими земледельцами (что дает некоторым исследователям основание считать, что в досоветский период скотоводство было более эффективным даже при примитивных технологиях [11, р. 323]), а отдельные группы эвенков-охотников в Северном Забайкалье, до этого сохранявшие традиционный образ жизни, становились скотоводами или земледельцами [12, р. 16; 13, с. 202].

Вместе с тем давление на натуральный характер традиционной экономики несколько ослабло, поскольку рыночного механизма перераспределения продуктов производства в СССР не существовало, хотя и колхозы, и национальные артели были вынуждены ориентироваться на те плановые показатели, которые диктовались властями. Такой подход сказывался на традиционном хозяйстве не менее отрицательно, чем переход к товарности в предыдущую эпоху.

Что касается третьего признака системы традиционной экономики, то его эволюция в советский период заключалась в замене общинного контроля над индивидуальной хозяйственной деятельностью контролем государственным, который был еще более всеобъемлющим, нежели ранее. Таким образом, принцип приоритета «общественных» (т.е., по сути, государственных) интересов сохранился и укрепился.

В этих условиях трансформация экологических традиций демонстрирует противоречивый характер: с одной стороны, характерные для советской идеологии притеснения религии, которая регламентировала многие стороны природопользования, и промышленное развитие региона, неизбежно влекущее включение коренного населения в процессы урбанизации и миграции, привели к подрыву экологической культуры; с другой — формируется национальная интеллигенция, резко повышается уровень образования, что способствует развитию «научного экологического сознания» [14, с. 55].

После распада СССР в условиях становления в России рыночной экономики и отказа от полного контроля государства над хозяйственной деятельностью населения, стало модным говорить о восстановлении традиционных форм природопользования, обращая внимание именно на их «экологичность», о необходимости применения опыта «развитых западных стран». Однако действительность такова, что возвращение бурят к кочевому скотоводству невозможно, а олене-

водство у эвенков продолжает приходиться в упадок [15, с. 167; 16, с. 118]. Дальнейшие перспективы развития традиционного хозяйства должны изучаться, но в любом случае они могут быть связаны не с сохранением изолированных систем традиционного хозяйства, не с восстановлением их после деградации, а с использованием опыта традиционного хозяйства (в том числе — опыта рационального природопользования) в условиях включения традиционной экономики в экономику мировую. Такое «включение» не обязательно должно сопровождаться уничтожением системы традиционной экономики, более того, предпочтительно ее сохранение, так как она является чрезвычайно важным этносохраняющим фактором. Но традиционное хозяйство не может развиваться в отрыве от остальной экономики и может войти в нее как подсистема. Экологические традиции в этом контексте важны не только как объект исследования и основа программ устойчивого развития, но и как фактор, реально присутствующий в жизни людей, способствующий «формированию экологического сознания на всех уровнях этого процесса: планетарном, региональном, государственном, общественном, индивидуальном» [17, с. 143].

Традиционное хозяйство связано с народом, его практикующим, неразрывно, а в современном мире, испытывающем экологические проблемы, эти связи становятся еще сложнее, — прямая обусловленность хозяйственной деятельности окружающей средой не только ставит физическое существование этноса в зависимость от сохранения этой среды, но и наоборот, устойчивость экосистем ставит в зависимость от благополучия этноса, обитающего в ней.

Эта взаимосвязь иллюстрирует одно из главных направлений «устойчивого развития», как известно, увязывающего благосостояние общества и решение экологической проблемы, если мы говорим о сохранении конкретных экосистем, то это невозможно без по-

вышения уровня жизни населения в этих районах, без формирования у населения экологической культуры. И здесь незаменим исторический опыт коренных народов, их экологические традиции.

Байкальский регион в силу своего природного своеобразия может являться модельной территорией устойчивого развития, однако для реализации этой идеи необходимо обратить внимание на экологические традиции бурят и эвенков, которые позволяли им на протяжении веков сосуществовать с природой рядом и сохранить для современных поколений уникальную Байкальскую экосистему.

Простое изучение экологических традиций и даже попытки их внедрения не дадут результата, если не понимать, что они являются составной частью системы традиционного хозяйства. Значит, их нельзя ни изучать, ни внедрять, не имея в виду, что они будут эффективно работать только в условиях: 1) обусловленности способа природопользования окружающей средой; 2) натурального характера хозяйства; 3) подчинения личных интересов интересам общественным. Вряд ли это все возможно в современной социально-экономической и социально-политической ситуации, но, по крайней мере, экологический опыт бурят и эвенков может быть использован в целях повышения уровня экологической культуры населения региона.

Список использованной литературы

1. Гурьева М.А. Глобальные экологические проблемы современности: тенденции / М.А. Гурьева // Теория и практика общественного развития. — 2015. — № 15. — С. 42–45.
2. Сычев А.А. Социально-экологические аспекты глобализации / А.А. Сычев // Вестник Мордовского университета. — 2011. — № 3. — С. 279–286.
3. Болданов Т.А. Исторический опыт ведения органического сельского хозяйства в Забайкалье / Т.А. Болданов, Л.Г. Намжилова, А.К. Тулохонов // География и природные ресурсы. — 2018. — № 3. — С. 140–146.

4. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс / К. Поланьи // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3, № 2. — С. 62-73.

5. Майдачевский Д.Я. Проблема начала экономической истории с позиции историко-мыслительного подхода в историографии экономической науки / Д.Я. Майдачевский // Известия ИГЭА. — 2012. — № 6 (86). — С. 5-9.

6. Ангаева Д.Б. Экологические традиции народов, населяющих Байкальский регион / Д.Б. Ангаева // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. — 2013. — № 14. — С. 185-188.

7. Тихонов В.В. Отличительные элементы материального наследия этносов и этнических групп, сформировавших историко-культурный потенциал Предбайкалья второй половины XIX — начала XX века / В.В. Тихонов // Вестник Кемеровского государственного института культуры. — 2013. — № 23. — С. 93-100.

8. Харинский А.В. Оленеводство в жизни северобайкальских эвенков в XX — начале XXI в. / А.В. Харинский // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2009. — № 3 (25). — С. 359-362.

9. Балданова А.С.-Д. Трансформация традиционного хозяйственного природопользования бурят в конце XIX — начале XX в. / А.С.-Д. Балданова // Известия Алтайского государственного университета. — 2011. — № 4-2 (72). — С. 13-18.

10. Krupnik I. Reindeer Pastoralism in Modern Siberia: Research and Survival During the Time of Crash / I. Krupnik // Polar Research. — 2000. — Vol. 19, iss. 1. — P. 49-56.

11. Tulokhonov A. Historical Experience and Estimation of Modern Land Tenure of the Inner Asia / A. Tulokhonov // Springer Nature in NATO Security Through Science Series, Environmental Security and Sustainable Land Use — with special reference to Central Asia, Series C: Environmental Security. — 2006. — Vol. 7. — P. 323-334.

12. Anderson D.G. Turning Hunters into Herders: A Critical Examination of Soviet Development Policy among the Evenki of Southeastern Siberia / D.G. Anderson // Arctic. — 1991. — Vol. 44, no. 1. — P. 12-22.

13. Бураева О.В. Оленеводство эвенков Бурятии: история и современность / О.В. Бураева // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. — 2017. — Т. 21. — С. 197-208.

14. Дурнев С.Ю. Трансформационные процессы в экологической культуре коренного населения Прибайкалья в советский период / С.Ю. Дурнев // Теория и практика общественного развития. — 2012. — № 8. — С. 52–55.

15. Задорожный В.Ф. Традиционное природопользование эвенков Восточного Забайкалья в условиях рыночной экономики / В.Ф. Задорожный, В.И. Гильфанова // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 318. — С. 166–169.

16. Курдюков В.Н. Проблемы сохранения традиционного хозяйства эвенков Катангского района Иркутской области / В.Н. Курдюков // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. — 2015. — Т. 13. — С. 111–119.

17. Вальковская В.В. Формирование традиций природопользования и охраны природы на территории России: история и современность / В.В. Вальковская // Власть и управление на Востоке России. — 2017. — № 1 (78). — С. 138–144.

References

1. Gurieva M.A. Global Environmental Present-day Problems: Trends. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2015, no. 15, pp. 42–45. (In Russian).

2. Sychev A.A. Socio-Environmental Aspects of Globalization. *Vestnik Mordovskogo universiteta = Mordovia University Bulletin*, 2011, no. 3, pp. 279–286. (In Russian).

3. Boldanov T.A., Namzhilova L.G., Tulokhonov A.K. Historical Experience of Organic Agriculture Management in Transbaikalia. *Geografiya i prirodnye resursy = Geography and Natural Resources*, 2018, no. 3, pp. 140–146. (In Russian).

4. Polanyi K. The Economy as Instituted Process. In Polanyi K., Arensberg C., Pearson H. (eds). *Trade and Market in the Early Empires, Economies in History and Theory*. New York, The Free Press, 1957, pp. 12–26. (Russ. ed.: Polanyi K. Economics as an Institutionalized Process. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology*, 2002, vol. 3, no. 2, pp. 62–73).

5. Maidachevsky D.YA. About the Beginning of Economic History from the Perspective of Historical-Cognitive Approach in the Historiography of Economics. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2012, no. 6 (86), pp. 5–9. (In Russian).

6. Angaeva D.B. Ecological Traditions of the Peoples of the Baikal Region. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya = Bulletin of the Buryat State University. Pedagogy. Philology. Philosophy*, 2013, no. 14, pp. 185–188. (In Russian).

7. Tikhonov V.V. The Distinctive Elements of the Material Heritage of Ethnos and the Ethnic Groups, Which Form the Historical and Cultural Potential of Pribaikalie in the Second Half of the XIX th and the Beginning of XX th Centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2013, no. 23, pp. 93–100. (In Russian).

8. Kharinsky A.V. Reindeer Breeding in Life of North Baikal Evenks in the 20TH – the Beginning of the 21ST Century. *Problemy istorii, filologii, kul'tury = Problems of History, Philology and Culture*, 2009, no. 3 (25), pp. 359–362. (In Russian).

9. Baldanova A.S-D. Transformation of the Buryats Traditional Natural Resource Use at the End of XIX – the Beginning of XX Centuries. *Izvestiya Altaiskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Izvestiya of Altai State University*, 2011, no. 4-2 (72), pp. 13–18. (In Russian).

10. Krupnik I. Reindeer Pastoralism in Modern Siberia: Research and Survival During the Time of Crash. *Polar Research*, 2000, vol. 19, iss. 1, pp. 49–56.

11. Tulokhonov A. Historical Experience and Estimation of Modern Land Tenure of the Inner Asia. In *Springer Nature in NATO Security Through Science Series, Environmental Security and Sustainable Land Use – with special reference to Central Asia, Series C: Environmental Security*, 2006, vol. 7, pp. 323–334.

12. Anderson D.G. Turning Hunters into Herders: A Critical Examination of Soviet Development Policy among the Evenki of Southeastern Siberia. *Arctic*, 1991, vol. 44, no. 1, pp. 12–22.

13. Buraeva O.V. Deer Farming of Evenks of Buryatia: History and Modernity. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya = The bulletin of Irkutsk state university. Series «Geoarcheology. Ethnology. Anthropology*, 2017, vol. 21, pp. 197–208. (In Russian).

14. Durnev S.Yu. Transformation Processes of the Environmental Culture of the Indigenous Population of the Baikal Region During the Soviet Period. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2012, no. 8, pp. 52–55. (In Russian).

15. Zadorozhnyy V.F., Gilfanova V.I. Evenks Traditional Nature Management in East Zabaykalie on Market Conditions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2009, no. 318, pp. 166–169. (In Russian).

16. Kurdukov V.N. Problems of Preservation of Traditional Farming Evenks of Katanga District of Irkutsk Region. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Nauki o Zemle = The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Earth Science*, 2015, vol. 13, pp. 111–119. (In Russian).

17. Valkovskaya V.V. Formation of Traditions of Nature Management and Nature Protection on the Territory of Russia: History and Modernity. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and Administration in the East of Russia*, 2017, no. 1 (78), pp. 138–144. (In Russian).

Информация об авторах

Курьшов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: akm882@ya.ru. SPIN-код: 6335-8493, AuthorID: 362477, ORCID 0000-0003-2404-4537.

Курьшова Ирина Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории права, конституционного и административного права, Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: kiw09@mail.ru. SPIN-код: 5844-7619, AuthorID: 362482, ORCID 0000-0003-1979-1247.

Authors

Kuryshov Andrei Mikhailovich — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: akm882@ya.ru. SPIN-code: 6335-8493, AuthorID: 362477, ORCID 0000-0003-2404-4537.

Kuryshova Irina Vasilievna — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Theory of Law, Constitutional and Administrative Law, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: kiw09@mail.ru. SPIN-code: 5844-7619, AuthorID: 362482, ORCID 0000-0003-1979-1247.

Для цитирования

Курьшов А.М. Эволюция природоохранных традиций бурят и эвенков Байкальской Сибири как составная часть трансформации традиционного хозяйства / А.М. Курьшов, И.В. Курьшова. — DOI: 10.17150/2308-2488.2020.21(2).202-227. // Историко-экономические исследования. — 2020. — Т. 21, № 2. — С. 202–227.

For Citation

Kuryshov A.M., Kuryshova I.V. Evolution of the Environmental Traditions of Buryat and Evenks of Baikal Siberia as Part of the Transformation of the Traditional Economy. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2020, vol. 21, no. 2, pp. 202–227. DOI: 10.17150/2308-2488.2020.21(2).202-227. (In Russian).